

Тан Шэнь постучал в дверь. Ван Чжэнь, увидев его, удивленно вскинул брови.

— Войди, — отозвался Ван Чжэнь.

Тан Шэнь подошел к столу Ван Чжэня, поклонился и произнес:

— Подчиненный Тан Шэнь вспомнил, что вчера забыл кое-что обсудить с господином министром. Найдется ли у господина министра минутка?

Министр Мэн нарочито усмехнулся:

— Судя по твоим одеждам, ты чиновник четвертого ранга, чжуншу шэжэнь, и к Финансовому приказу отношения не имеешь. С чего бы тебе искать встречи с Министром финансов?

Слово автору:

Министр Мэн: «Ван Цзыфэн не цеплялся ко мне уже три дня, три дня! У меня всё тело чешется от нетерпения! Посмотрю-ка я, как позабавлюсь над его ненаглядным!»

Тан Шэнь стоял посреди комнаты: впереди — невозмутимый Ван Чжэнь, позади — Министр ритуалов Мэн Лан с видом человека, ждущего хорошего представления. У Тан Шэня тут же голова пошла кругом.

Этот Министр ритуалов, господин Мэн, был далеко не так прост.

На столичном экзамене Тан Шэня именно господин Мэн выступал главным экзаменатором. И хотя номинально наставником всех цзиньши считался император, если разобраться, Мэн Лан вполне мог именоваться «благодетелем» Тан Шэня. Вот только этот министр Мэн любил над ним подшучивать. Когда Тан Шэнь впервые пришел во Дворец Циньчжэн, будучи еще придворным историографом, министр Мэн уже проучил его, силой проведя по всем шести приказам на потеху публике!

Чиновник четвертого ранга Тан Шэнь не мог позволить себе перечить ему, но это вовсе не означало, что Ван Чжэнь пасует перед ним.

Ван Чжэнь поставил пиалу; селадоновая чашка со щелчком опустилась на сандаловый стол. Посмотрев на Тан Шэня, Ван Чжэнь произнес:

— Чжуншу шэжэнь действительно мало связан с Финансовым приказом, однако чжуншу шэжэнь взором Сына Неба обозревает Поднебесную. Раз господин Тан пришел ко мне, значит, твой покорный слуга в чем-то провинился — не выложился без остатка и не отдал жизнь за отечество.

Тан Шэнь опешил.

От этих слов онемел даже Мэн Лан, сидевший за противоположным столом, а вместе с ним и стоявший рядом чиновник Приказа ритуалов пятого ранга.

Что за спектакль разыгрывает Ван Цзыфэн?

Мэн Лан сообразил мгновенно и подумал: «Взором Сына Неба обозревать Поднебесную? Да это же просто помогать императору разбирать докладные записки, сокращая пышную и бессмысленную чушь до пары емких фраз! И это называется обозревать Поднебесную? Тогда мы, сановники второго ранга, получается, взором Сына Неба управляем Поднебесной?»

Не успел он додумать эту мысль, как Ван Чжэнь снова заговорил. Указав на сидящего напротив Мэн Лана, он спросил у Тан Шэня:

— Господин Тан, ведом ли тебе этот сановник второго ранга?

Голова у Тан Шэня шла кругом, однако он как ни в чем не бывало поклонился и ответил:

— Это Министр ритуалов Мэн Лан, господин Мэн.

— Господин Мэн обладает высокими помыслами и непрестанно трудится на благо государства, — продолжить Ван Чжэнь. — Еще до рассвета, когда Дворец Циньчжэн погружен во тьму, лишь в кабинете господина Мэна теплится огонёк. Солнце уже заходит, но среди всех шести приказов лишь в Ямыне Приказа ритуалов каждую ночь горит свет! Господин Мэн — верный слуга народа и государя, честнейший чиновник, каких не снискать и за тысячу лет. Ты, господин Тан, взором Сына Неба обзревая Поднебесную, видел ли преданную душу сановника второго ранга, приметил ли горячее сердце министра Мэна?

Тан Шэнь: «...» Что за ересь?

Тут уже застыл в замешательстве сам Мэн Лан: «???»

Погодите-ка, Ван Цзыфэн меня хвалит?

Министр Мэн даже встал и выглянул в окно: кровавый дождь с неба вроде не идет!

Ван Чжэнь поднялся со своего места и произнес, обращаясь к Тан Шэню:

— Такого исполненного добродетели слугу народа необходимо ставить в пример сотням чиновников, дабы о нем узнал весь мир, а Его Величество запечатлел его имя в своей памяти. Господин Тан, когда в эти дни будешь обзрывать дела Приказа ритуалов, тебе следует доложить Его Величеству, дабы он пожаловал чиновникам Приказа ритуалов свечи и масляные лампы. Служители Приказа ритуалов ежедневно отдают все силы труду, они — достойнейший образец для нас!

Произнеся эти слова, пока Тан Шэнь и Мэн Лан всё еще находились в полном оцепенении, Ван Чжэнь просто сказал Тан Шэню:

— Пойдем.

Тан Шэнь вслед за Ван Чжэнем покинул комнату, отправившись искать укромный уголок для разговора, и оставил Мэн Лана вместе с чиновником Приказа ритуалов пятого ранга растерянно переглядываться.

Спустя долгое время до Мэн Лана наконец дошло:

— Ну и ну, Ван Цзыфэн! С каких это пор наш Приказ ритуалов не уходит домой на закате и сутками отсиживается в ямыне?!

Мэн Лан оказался в положении проглотившего горечь немого — и рад бы пожаловаться, да нечем.

Ван Чжэнь сначала повесил на него ярлык непогрешимого добродетеля, расточая хвалы чиновникам Приказа ритуалов как примеру для подражания. Разве мог Мэн Лан возразить и сказать: «Вовсе нет, в нашем ведомстве нет стольких рьяных слуг»? А едва закончив

восхваления, Ван Чжэнь тут же поручил Тан Шэню доложить о «подвигах» Приказа ритуалов императору, чтобы Его Величество уразумел, что чиновники Приказа ритуалов готовы трудиться днями и ночами напролет.

Теперь мнимые сверхурочные превратились в самые настоящие. И даже если раньше никто не задерживался после работы, отныне придется вкалывать допоздна!

Раньше Ван Цзыфэн заманивал в ловушку только самого обидчика. Но на этот раз по вине Мэн Лана ко дну пошел весь Приказ ритуалов.

Стоявший рядом чиновник Приказа ритуалов пятого ранга смотрел на него с глубокой обидой, но выразить свое негодование вслух не смел.

Министр Мэн сквозь зубы процедил:

— Неужто Ван Цзыфэн думает, будто я его боюсь?

Чиновник пятого ранга пробормотал:

— Господин министр, господин Ван все-таки Министр финансов... Из Финансового... Из Финансового... — повторил он трижды. — Ну к чему вы сами себе нажили беду?

Мэн Лан: «...»

Чиновник Финансового приказа заведует казной! Он выплачивает жалованье!

Мэн Лан горько пожалел о содеянном и твердо решил впредь ни за что не переходить дорогу Ван Цзыфэну.

В будущем для подобного поведения появится точнейшее выражение — «длинный язык». Жаль лишь, что господину Мэну этот ёмкий термин пока был неведом, и ему оставалось лишь глубже погружаться в пучину сожалений.

Тан Шэнь следовал за Ван Чжэнем по запутанным коридорам Дворца Циньчжэн, пока они не пришли в уединенную комнату.

Тан Шэнь удивился, не понимая, где они оказались.

Ван Чжэнь пояснил:

— Это кабинет Правого канцлера нашей державы, Ван Цюаня. Сегодня господина Ван Цюаня нет, так что, младший соученик, говори прямо, за чем пришел.

Оказывается, это кабинет двоюродного дедушки Ван Чжэня!

Тан Шэнь перешел сразу к делу и пересказал содержание докладной записки, которую видел сегодня. Он изложил все до малейших подробностей. Чем больше Ван Чжэнь слушал, тем сильнее хмурился. Другие чиновники, возможно, не уловили бы скрытой угрозы в докладе из земель Шу, однако Ван Чжэнь занимал пост Министра финансов и уже пять лет возглавлял Финансовый приказ, то есть ведал деньгами. Едва услышав о замене монет бумажными деньгами, Ван Чжэнь уже сформировал в уме мысли по поводу ответных мер.

Поразмыслив, Тан Шэнь решил все же высказать собственное мнение. В кабинете находились лишь они вдвоем, поэтому он отбросил официальное обращение «господин министр» и назвал

его старшим соучеником:

— Старший соученик, нехватка монет в Великой Сун — проблема давняя. Я не служу в Финансовом приказе, но знаю, что нехватка монет тянется еще со времен прежнего императора. Каждый раз при проведении налоговых реформ, да еще и при торговле с иными государствами, денежно-налоговые поступления сложно удерживать в стабильных рамках. К тому же запасы меди и серебра в государственной казне вовсе не безграничны. Ныне, в годы Кайпин, когда могущество Великой Сун растет с каждым днем, нехватка монет ощущается все острее. Мне кажется, бумажные деньги способны облегчить нехватку монет в нашей стране!

Взгляд Ван Чжэня, вспыхнувший глубокой мыслью, устремился на Тан Шэня. Посмотрев друг на друга некоторое время, Ван Чжэнь произнес:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, младший соученик. Однако если оставить это без внимания, дело не станет катастрофой. Но стоит вмешаться — затронешь столь многое, что малейшее движение повлечет за собой цепную реакцию, и последствия нельзя будет предугадать за один день.

Разве Тан Шэнь этого не понимал?

Да что говорить об этой эпохе — даже в грядущих веках, когда эмиссия денег окажется в руках государств, банкротами на Земле станет не одна и не две страны! Замена медяков, серебра и золота бумагой — неостановимый поток истории, но вместе с тем и обоюдоострый меч. Как им распорядиться — премудрость глубокая, в которую Тан Шэню не проникнуть; а уж как не наделать бед — и подавно недостижимая наука, в которой он ни черта не смыслил!

Но бумажные деньги неминуемо должны были появиться. Чем раньше они войдут в обиход, тем лучше для этой эпохи, тем благотворнее для экономики Государства Сун!

В душе Тан Шэня бурлили тысячи слов, но ни одно из них он не мог произнести вслух.

Спустя долгое время, встречая пристальный, пламенный взгляд Ван Чжэня, он смог лишь искренне вымолвить:

— Я верю старшему соученику.

Ван Чжэнь на мгновение замер, на его благородном лице мелькнуло изумление. Затем он мягко улыбнулся:

— Хм.

Больше они ничего не сказали друг другу и разошлись.

Слова Тан Шэня о доверии Ван Чжэню не были пустой болтовней: он действительно полностью поверил всё ему. Оставит ли Ван Чжэнь это дело без внимания или же решит свершить нечто великое — Тан Шэня это больше не касалось. В подобных вопросах он все равно ничего не смыслил, и довериться Ван Чжэню было самым разумным решением.

Во второй половине того же дня Сюй Би, взяв несколько докладных записок, отправился во дворец на аудиенцию к Чжао Фу.

Вечером, когда служба уже подходила к концу, Тан Шэнь собрал вещи и собрался выходить, как вдруг в ворота Дворца Циньчжэн быстрыми шагами вошел человек в темно-красном

одеянии. Они столкнулись лицом к лицу и оба обомлели.

Переглянувшись, Тан Шэнь почтительно поклонился:

— Господин Су.

Су Вэньюнь изогнул губы в улыбке:

— Господин Тан. — Он оглядел его с ног до головы, и в его сияющих глазах мелькнул смешок.

— Что, служба окончена?

<http://bllate.org/book/18292/1754576>